

Пермь пала!

Пермь пала! Под таким заголовком вышел один из декабрьских номеров газеты «Сибирские стрелки» 1-го Средне-Сибирского корпуса, сообщивший о взятии г. Перми. Этот номер называли золотым, т.к. продавался он в г. Екатеринбурге за 250 рублей¹.

Хотя еще неделю назад об этом никто не мог мечтать. Красная армия отходила на подготовленный еще в сентябре оборонительный рубеж в районе станция Сылва – село Троицкое. По мнению капитана Журавлева «большевики затратили массу денег, материалов и труда, чтобы соорудить эту укрепленную полосу, проходящую на 8 верст и защищающую подступы к Перми. Окопы были оборудованы капитально. Мне редко приходилось видеть такие окопы у нас в минувшую германскую войну. По всему видно было, что красные думали здесь оказать упорное сопротивление; но каково было наше удивление, когда утром 22 декабря наша разведка донесла, что село Троицкое оставлено красными, которые, оставив Троицкое, все же решили упорно оборонять станцию Сылва»².

Утром 22 декабря 2-й батальон полка «Красные Орлы» неожиданно оставил с. Троицу³. До этого он вел тяжелой восьми часовой бой с 4-м Енисейским полком в районе д. Сосновая Гора, отступив в с. Троицу. Не обнаружив там подкрепления, батальон самовольно оставил позиции. В село без боя вошел 4-й Енисейский полк. Путь на Пермь по проселочному Сылвенскому тракту был свободен. Тогда генерал Пепеляев решил фланговым ударом силою двух малочисленных полков (не более 600 штыков в каждом) захватить Мотовилихинский завод и город Пермь. Войскам предстояло пройти 35-ть верст по проселочной заснеженной дороге в 30-ти градусный мороз, при этом в его тылу оставалось как минимум два полка противника, общей численностью не менее 1000 штыков.

23 декабря в 6-ть часов утра 4-й Енисейский полк выступил из с. Троица по тракту в г. Пермь, для того чтобы к ночи быть там. Пройдя со скоростью 4-е версты в час 20 верст, полк примерно в 12 часов дня остановился на большой привал, чтобы отдохнуть, накормить людей и лошадей и наметить план захвата Перми. В это время вернулась разведка, доложив, что красных до д. Суханки (это 3-и версты до Перми) нет, а по рассказам местных жителей противник не ждет их (белых) и в городе. На коротком совещании у командира полка подполковника Мальчевского было решено ворваться в город со стороны Красных казарм (с юго-востока). Преодолев 15-ть верст, полк к вечеру 23 декабря подошел к г. Перми.

В полку было не более 600 человек и одно легкое орудие подпоручика Федорова. команду конных разведчиков и взвод 4-й роты с пулеметом оставили в резерве в д. Суханки⁴, а на 51 разъезд была выслана рота для прикрытия со стороны сибирского тракта.

Чтобы ликвидировать разрыв фронта в районе сел Троица - Кольцово, советское командование перебрасывает сюда Камскую бригаду Грушецкого, усиливает ее и дает ей название 4-я Уральская дивизия. Ее первая бригада под командованием Онуфриева бросается в район Горы - Жебреи – Садок, для ликвидации разрыва между 29 и 30 дивизиями. Штаб бригады располагался в д. Голый Мыс⁵. 1-й Советский полк(2000 штыков и 10 пулеметов) 4-й Уральской дивизии утром 23 декабря выступил из Левшино, сосредоточившись к вечеру не в указанном районе (деревни Горы - Жебреи – Садок), а в д. Голый Мыс. Командир полка, подполковник Бармин⁶, послал команду пеших разведчиков, состоявших полностью из коммунистов, в тыл белым, для того чтобы найти

брешь в их фронте. Когда разведка вернулась, он убедил коммунистов зайти полку в тыл белым и тогда ударить. Когда полк сосредоточился в тылу у белых, штабс-капитан Павлов, поручик Горбунов и прапорщик Одинцов, с согласия Бармина, возглавили мятеж в полку, перебили коммунистов и сдали полк командиру 4-го Енисейского полка, при этом все винтовки были сложены на подводы и увезены в штаб указанного полка⁷.

Руководство Восточного фронта и 3-й Красной армии в Перми вечером 23 декабря чувствовало себя уверенно. В тот день, командующий Восточным фронтом послал следующую телеграмму командарму-3: “ действия противника в районе Перми дают основание думать, что его энергичные действия приходят к концу. Вместо удара на всем фронте вдоль линии Калино - Пермь, он бьет отдельными отрядами, да еще на тех участках, где, по видимому у нас наиболее расстроенные части, которые, как, Лесновско-Выборгский полк, сами открывают фронт. Это обстоятельство дает уверенность, что ваши исключительно удачные меры по выделению резервов дадут вам возможность, если не отбросить, то сломить его упорство и задержать занимаемую линию перед Пермью до подхода подкреплений”⁸. Эту телеграмму командарм - 3 получит в Глазове только 25 декабря. Сейчас она воспринимается как издевательством над командованием 3-й армии.

Об обстановке тех дней рассказывает очевидец этих событий, боец бронепоезда “В.И. Ленин” Болотов: “ Накануне вечером я был в губчека, оформлял разрешение на право ношения оружия. Какой - либо тревоги за судьбу города там не было”⁹. Но уже вечером того же дня поступили сигналы, что возможно наступление белых на Пермь. Так в штаб 2-го батальона полка “Красные Орлы”, находящегося на отдыхе в Мотовилихе, пропустили женщину, которая сообщила, что утром белые подойдут к Мотовилихе со стороны Троицы, чтобы затем прорваться в Пермь. Командир батальона Полуяхтов послал донесение губернскому военкому и начальнику гарнизона Окулову. Вскоре конники, отвозившие пакет, привезли расписку получателя. В это время в Мотовилихе находился также на отдыхе Лесновско-Выборгский полк¹⁰.

Какие же силы были у красных, чтобы защитить город. Штаб 3-й армии находился еще в Перми и имел в своем распоряжении: штабы 29-й и 30-й стрелковых дивизий, артиллерийскую бригаду Валуженича (29 орудий), 20-й полк Уральской бригады охраны и обороны ж.д. (не менее 1000 штыков), Рабоче-Крестьянский и Камышловский полки по 500 -600 штыков, Пермский резервный батальон Уфимцева (не менее 1000 штыков), запасной полк 29-й дивизии Зеленцова, батальоны: Крестьянского полка, ЧК, китайский, лыжный и инженерный (350-400 штыков), школу красных командиров 3-й армии (не менее 300 штыков) и отряд особого назначения (140 штыков).

Можно с уверенностью сказать, что красные располагали не менее 4000-5000 штыков. По данным Сибирской армии только пленными было взято 8000 красноармейцев.

Город спокойно спал, только метель кружила снег по улицам. Термометр на улице Сибирской показывал минус тридцать градусов. В Красных казармах не было даже часовых¹¹.

В 5-ть часов утра енисейцы сосредоточились на правом берегу речки Егошихи. 3 и 4 роты и саперная команда остались на окраине города в резерве. Через полчаса 2-й батальон(5,6,7,8 роты) капитана Ластовского цепями с пулеметами вошли в город. Орудие, оставленное в полверсты от города, открыло огонь по Перми-1. Очевидцы вспоминают: “ Зима. Холодное утро. Чуть-чуть светает. Тихо. Вдруг резкий звук прорезает воздух, наполняет гулом - слышится один, другой, третий выстрелы из пушки... Стреляют по городу из-за леса, с Суханок, перекидным огнем. Снаряды рвутся около Камского моста”¹².

7-я рота окружила Красные казармы, и, сняв часовых, захватили сразу три орудия, находившихся во дворе казарм. Проникнув в казармы, енисейцы захватили козлы с винтовками, и, растолкав красноармейцев, стали брать их в плен, выводить на улицу и далее отправлять в тыл. Сопrotивления было слабое, но некоторые казармы приходилось брать с боем. В плен было взято в Красных казармах 4-е тысячи красноармейцев.

В 8 часов утра, когда в штабе 3-й Красной армии услышали стрельбу в районе Красных казарм, началось экстренное заседание Пермского губисполкома, на котором освободили от обязанностей председателя губисполкома Сорокина за нарушение партийной и государственной дисциплины (пьянства и т.д.), выбрав председателем Коробовкина. В это же время белыми был обезоружен караул исправительных рот у Сибирской заставы¹³. Затем началось замешательство, т.к. разведки ЧК Барандохина и начальника гарнизона Окулова приняли своих, за белых. В разговоре по телефону начальник гарнизона и губернский военный комиссар С. Окулов заявлял члену ВРК Белобородову, что он продержит город еще 5 часов при любом количестве противника¹⁴. Но уже в 11 часов, после обстрела здания Духовного училища (губвоенкомата) шрапнелью, он отдал приказ о выводе войск из Перми по Казанскому тракту¹⁵. Согласно его приказу курсы красных командиров, поднятые по боевой тревоге еще ранним утром, выводятся из города без единого выстрела. Вот как это описал это курсант Носков: “В ночь с 23 на 24 декабря курсы были подняты по боевой тревоге. Мы спешно получили полный комплект боеприпасов, новые пулеметы, ручные гранаты, шанцевый походный инструмент, новое зимнее обмундирование. Ротные цейхгаузы были открыты. Все боевое и вещевое довольствие получили без ведомостей и расписок”. Курсанты были построены во дворе курсов на Кунгурском проспекте. Ждали больше часа начальника курсов, но он так и не появился. Тогда комиссар приказал выступать из г. Перми¹⁶. Сам Окулов описывал свои действия в 1934 году следующим образом:

“В ночь на 24 декабря в 4 часа утра раздалась стрельба по городу. Я находился в это время в кабинете. Все забегали, засуетились. Затрещали телефоны. Сообщают, что Мотовилиха занята белыми. Как занята? На такое дело, что я мог сообщить мотовилихинцам. Я по телефону сказал, что с тысячью человек приду к вам в Мотовилиху. Держитесь товарищи! В это время полетели снаряды от Красных казарм в сторону Камы. Люди наполнили военкомат и находились в панике. Со мной был т. Лукоянов. Нужно было принимать быстрые решительные меры. Я стал звонить в штаб 3-й армии. Тут мне сообщают, что штаб проходит мимо. Нужно принимать решение немедленно, самостоятельно. Спрашиваться, и советоваться не с кем было. Мы были только с т. Лукояновым¹⁷, но решающей роли он играть не мог, т.к. начальником был я, пользовался доверием. Я дал приказ отступать по Казанскому тракту. Набралось со мной 900 –1000 человек. С ними мы двинулись по теперешней Трудовой (сейчас Советская) улице до Шадринского переулкa тут свернули налево к Казанской заставе. Стрельба была по всему городу. Шли мы версты наверно 22 до Култаево и тут сделали ночевку”¹⁸.

Совсем по другому оценивают действия С. Окулова красноармейцы резервного батальона Уфимцева(полковника, перешедшего на сторону сибиряков), который подчинялся непосредственно ему.

“Послали вестового с донесением к командиру батальона¹⁹. Вернувшийся красноармеец сообщает, что его там чуть не арестовали. Комбат сам находится при роте. Уговаривает красноармейцев не беспокоится, быть героями. Если говорит 3-я рота начинает мутить, заниматься паникой, если придется отступить, то еще успеем. Дает срочно распоряжение готовить чай, обед, дабы задержать красноармейцев. Это ему удалось. Посылаем второго вестового в первую образцовую роту, которая находилась в непосредственном подчинении военкома Окулова. Вернувшийся вестовой красноармеец сообщает, что никаких распоряжений не дали. Все вывозят. Казачья сотня уезжает, а также уходит 1-я рота. Командир роты Половков дает распоряжение собраться всем

красноармейцам и ведет по направлению к Сибирской заставе. В помещении роты остались только несколько человек для охраны. Около Сибирской заставы кто-то их обстрелял. Половков бросает свою шашку и говорит - я сам побегу к Окулову за распоряжением, а вы идите обратно в помещение роты. Красноармейцы приходят в роту. Их быстро окружили товарищи и они им сообщили о случившемся, а заместитель командира роты некто Бояршинов в роту не явился и не было на месте ни одного командира взвода. Командир отделения некто Бахарев К.П, я и другие красногвардейцы быстро обсудили как быть. Или ждать дальнейшего распоряжения, т.к. такового нам никто ни комбат, ни военком Окулов не дали - решили выбрать временного командира роты (продовольственно каптенармуса) т. Михайлова и собравшись, оставили помещение роты, не распределив даже того имеющегося обмундирования в кладовой роты, как то шинели, сапоги и прочее в надежде скорого возвращения в помещение роты и в достопамятный день утром 24 декабря 1918 года под винтовочную стрельбу, трескотню пулеметов и где-то слышавшиеся орудийные выстрелы с начала оставили помещение роты, а потом и город Пермь.

Отступали по Сибирской улице, сначала дошли до здания военкомата. В военкомате уже никого не было. Некоторые красноармейцы из нашей роты забежали в здание военкомата. Сменили свои гетры на сапоги и ружья ГРА, на винтовки и пошли по Монастырской улице по направлению на ст. Пермь-2. Кругом слышна стрельба из винтовок, где-то трещит пулемет и стрельба из орудий. Где, кто, куда-то испуганно бежит и так дошли мы до ст. Пермь-2. По приходе на станцию начинаем обсуждать - ехать на поезде или идти пешком, но не время разговоров. Надо обсуждать быстро. На станции все пути заняты поездами. Решили идти пешком и небольшой проезжей дорогой вышли на Казанский тракт²⁰.

Началась спешная эвакуация советских учреждений. Как она проходила, вспоминал раненый красноармеец Алексеев: “Военком нашего госпиталя отдал распоряжение о немедленной погрузке раненых на машины. Он вынужден был взять всю ответственность на себя, т.к. главврач госпиталя предательски бежал. Раненых осторожно перенесли на машины и стали подвозить к санитарному поезду, который стоял за городом. Все это происходило при 25 градусном морозе, в то время как одежду большинства раненых составляли халаты... Самым последним к санитарному поезду подъехал военком госпиталя. Он доставил полную машину одеял, которыми тотчас были укутаны все раненные²¹. Но не все вели себя так. Две роты батальона ЧК ушли прикрывать обоз без разрешения Барандохина, а попросту сбежали²². Бегство большевиков описал известный советский писатель Вс. Н. Иванов: “Они грузили в сани на глазах соседей по улице прежде всего канцелярии, папки, бумаги, дела, а потом ребятишек, закутанных в одеяла, женщин, уезжая от наступающего противника на лошадях, а не по железной дороге²³”.

Стрельба в районе Красных казармах активизировала участников подполья. Начали прибывать к войскам офицеры, учащиеся молодежь и горожане, которые в штабе 4-го Енисейского полка получали оружие, присоединяясь к его ротам. Одним из первых появился штабс-капитан Марсеев со своим отрядом в 40 человек, который располагался в ту ночь в горнозаводском училище. Ему приказали занять губернскую тюрьму, где находилось около 1000 заключенных среди них много офицеров, и гауптвахту, а затем вести наступление на станцию Пермь -1²⁴. В это время большевики уже готовились к расстрелу заключенных. “Арестантам велели одеться и собраться в общей камере. Их хотели эвакуировать пешком. Каждый знал, что по дороге их расстреляют, так как конвой собрался совсем налегке. Видимо, не собирались вести арестантов далеко. Они томились в общей камере, а их все не уводили. Дрожа от холода – в камере был буквально мороз – с пересыхающим от волнения горлом, как в каком-то сне, с душой лишенной чувств, без мыслей, сидели мы, одни молились, другие прощались друг с другом.

Вдруг они услышали отдаленную стрельбу и поняли, что наступают белые. И с минуты на минуту стали ждать своей смерти. Неожиданно, совсем рядом затрещал пулемет. Тогда один арестант залез на плечи к товарищу и стал наблюдать из окна, что делается на улице. И вот с удивлением он сообщил остальным, что около тюрьмы какие-то солдаты разоружают тюремную охрану. Но никто еще не верил, думали провокация. Вдруг чей-то шепот в глазок. Кто говорит не видно. В конторе сидит белогвардеец и ведет переговоры об освобождении политических²⁵. Наконец услышали шаги и стук отворяемых дверей. На пороге появился белый офицер и сказал: “Господа, политические, вы свободны!”. Тут поднялось что-то невообразимое: кто плакал, кто молился, а кто прямо валялся в истерике.”²⁶. Желавшие получали оружие и присоединялись к освободителям. К белым присоединялись добровольцы прямо на улицах, выходя из дому с оружием, часто с нарисованными погонами. Так это сделал прапорщик В. К. Вилленский, который приветствовал на пороге дома сибирских стрелков. Родственники нашивали ему самодельные погоны и он вступил в бой²⁷.

В штаб 4-го Енисейского полка являлись и офицеры, служившие в Красной Армии. Так например, прапорщик Ординский отстал от школы красных командиров 3-й армии в с. Култаево (это 23 версты от Перми), надел офицерскую форму, явившись к коменданту г. Перми и был определен во вторую роту штабс-капитана Блохина²⁸. Помощник командира 4-го Енисейского полка капитан Журавлев приводит другой пример:

“Помню, приводят ко мне какого-то молодого человека, говорят, что какой-то большевистский командир.

Спрашиваю его, кто такой?

- Я - бывший офицер, мобилизованный большевиками в Красную Армию.
- Какую должность вы занимали у красных?
- Я был командиром артиллерийской бригады.
- Вы большевик?
- Нет, никогда им не был.
- Будешь стрелять из орудий по красным?
- С удовольствием, последовал ответ.

Я направил его к подпоручику Федорову, который собрал уже человек пять артиллерийских офицеров и они открыли из орудий, находящихся в Красных казармах, огонь по ст. Пермь-2. Потом я видел этого офицера сидящим на наблюдательном пункте и добросовестно корректировавшим огонь наших батарей по красным. Добровольцы прибывают десятками, большую пользу они оказывают нам, указывая расположение красных и дома занятые ими”²⁹.

При первом же пушечном выстреле члены боевой подпольной организации Белобродского на грузовом автомобиле при двух пулеметах, 10 пехотинцах и 6-ти конных выступили, заняв Кунгурский проспект, а к вечеру и Покровскую улицу³⁰.

5 и 8 роты двинулись вниз по Сибирской и Обвинской к Вознесенской площади, захватывая здания. Командир 5-й роты штабс-капитан Василий Боровиков захватил действующий пулемет, открыв из него огонь по противнику. Далее его рота захватила губернскую земскую типографию, в которой печатались листовки с обращением к белогвардейским солдатам о сдаче в плен и переходе их на сторону красных. Штабс-капитан Боровиков приказал их уничтожить³¹. Картину захвата города дополняет рассказ красного бойца бронепоезда “В.И. Ленин” Болотова: “В 7 часов утра, услышав выстрелы, я выбежал из дому, открыл калитку и увидел у ворот солдат в погонах - солдат колчаковской армии. На углу улиц Соликамской и Спасской строчил пулемет. Против дома на улице стояла колонна пленных. Меня поставили туда”³². Это была колонна пленных из Красных казарм. Подобная колонна, по воспоминаниям командира роты 20-го полка Добромывсова, стояла на Соликамской улице.

“Нас привели на Соликамскую улицу, где в настоящее время центральная амбулатория Пермской ж.д. Здесь очевидно находился их штаб(штаб офицерского отряда штабс-капитана Марсеева. С.М.Г.). Доложили лицу в штатской одежде с техническим значком на фуражке, называя его господин капитан. Капитан приказал нас до распоряжения оставить здесь на площади. Построили - стоим ждем, что будет дальше. Самочувствие плохое, мучает неизвестность, но больше всего предательство коменданта, да еще пришла очевидно местная знать. Стоит и хихикает, бросает колкости. Вот вам сегодня будет советская власть.

Мороз 40 градусов. С нас снимают все новое обмундирование белогвардейцы и надевают на себя. Нам дают дрянь. Что же было делать - пришлось подчиниться. Правда они были полураздетые. Им кстати. Не успели с нас содрать белогвардейцы обмундирование вдруг бешено бегут в замасленных полушубках с криками “сажай на штыки красножопиков”. Когда подбежали ближе я увидел - это оказались культурные люди “господа офицеры”, на плечах погоны и эти господа не то, что приостановить чтобы не раздевали людей на 40 градусном морозе, но они сами занялись этим делом - очистили все до костюма Адама.

На вопрос красноармейцев “что же вы товарищи снимаете - они ответили рукояткой нагана и площадной бранью. Молчать- сейчас расстреляем³³.”

1, 2 и 6 роты двигаясь по Верхотурской и Соликамской улицам к ст. Пермь-1, захватили здание уездного комиссариата и, подойдя к старому батальонному двору (казарме красноармейцев), встретили там сопротивление 2-х рот китайцев и роты коммунистов. В результате короткого боя китайцы сдались в плен, а рота коммунистов отступила к Перми-2³⁴. 2-я рота поручика Игнатова, обнаружив в деревянных казармах красноармейцев с тяжелой батареей и пулеметами, захватила их, при этом взяв в плен 1400 человек³⁵.

Как была организована оборона г. Перми у красных вспоминает командир инженерного батальона 29-й стрелковой дивизии Масленников, батальон которого размещался в центре города, а обоз - в Красных казармах: “ В ночь с 23 на 24 декабря на окраинах Перми началась какая-то непонятная стрельба. Вскоре в штаб прибежал красноармеец из хозяйственно-транспортной роты батальона и доложил, что Красные казармы и весь обоз батальона захвачен белыми и что ему лишь случайно удалось убежать. Было непонятно, откуда взялись белые? Я поднял по тревоге батальон и выставил сторожевое охранение на прилегающих к штабу улицах и поехал к коменданту города Окулову, чтобы узнать, в чем дело, и получить указание, что делать дальше. Окулов сказал мне, что ему ничего не известно, что белые еще далеко от Перми и нет никаких оснований для беспокойства, что наш красноармеец наверное, принял за белых какую-нибудь нашу часть и с перепугу прибежал в штаб. А что, мол стреляют, так в Перми каждую ночь стреляют. Объяснение Окулова меня не удовлетворило, т.к. стрельба шла не только оружейная, но и пулеметная. Я поехал на станцию Пермь-1, где стоял штаб 29 стрелковой дивизии, и доложил начдиву о происходящем. Командир дивизии Васильев сказал мне, что белые еще далеко от Перми, а стреляют, вероятно, из домов местные контрреволюционеры, подняв в Перми восстание. Он приказал мне прочесать город и дома, из которых стреляют, окружать и на месте расстреливать виновных. Я направил по улицам красноармейцев, но никто в них из окон не стрелял. Город замер. Посланная вперед разведка донесла, что в районе Красных казарм отдельные группы красноармейцев ведут бой с наступающими на них белогвардейскими частями. Доложил об этом Васильеву. Он срочно вызвал меня в штаб. Подъезжая к станции, я увидел, как от нее отошел поезд штаба 3-й армии”. Да действительно, в 8 часов утра 24 декабря штаб 3-й армии панически бежал со станции Пермь-2 в г. Глазов. Стоял готовый к отправке и поезд штаба 29 дивизии. Далее Масленников продолжает:

“На этот раз начдив был в курсе происходящих событий. Он информировал меня, что в результате измены и предательства ряда бывших офицеров во главе с

царским полковником Барминым в Пермь через Мотовилиху проникли белые, заняли Красные казармы и сейчас ведут уличные бои с отдельными красноармейскими группами. Он поручил оборону Перми комбригу Клокову, командиру запасного полка т. Зеленцову и мне, поставив перед нами задачу: объединить все разрозненные части и группы в Перми, завязав уличные бои, не допуская противника дальше ст. Пермь-2, где скопилось большое количество эшелонов с военным имуществом и продовольствием. После того, как эшелоны будут отправлены через Каму, в район ст. Верещагино, с боем отступать по двум направлениям: через Каму - вдоль железной дороги и по тракту, на Оханск.

Получив приказание начдива, т. Клоков занял под штаб бывший дом Мешкова, откуда час назад выехал штаб 3-й армии. Собравшись в штабе, мы стали выяснять наши силы и наметили план дальнейших действий.

Из бригады Клокова в Перми находился на переформировании 1-й Рабоче-Крестьянский и Камышловский полки под командованием т. Некрасова и т. Галенкина. Камышловский был неполного состава, но боеспособный. В нашем батальоне осталось 350-400 бойцов. От запасного полка Зеленцова осталась одна разведка (конная). Вот и все чем мы располагали. Кроме того, по всей Перми дрались отдельные группы красноармейцев, которых нужно было объединить и свести в воинские подразделения. Инженерный батальон занял левый фланг, 1-й Камышловский - правый фланг. Шла стрельба, но противника не было еще видно. Мы стали продвигаться вперед до соприкосновения с ним. Желая более точно уяснить обстановку, мы с Зеленцовым сели на коней, взяли с собой его конную разведку, и поехали к Красным казармам. Проехав несколько улиц, мы натолкнулись на небольшую заставу противника, которая открыла огонь. Видя, что заставка не велика, Зеленцов неожиданно для всех нас выхватил из ножен пашку, скомандовал в атаку и поскакал на неприятельскую заставу. Мы вынуждены были скакать за ним. Белые не ожидали такой стремительной атаки. Они растерялись и бросились врассыпную. Порубив заставу и продвинувшись еще на одну две улицы, мы натолкнулись на неприятельскую цепь. Подтянули батальон. Завязался уличный бой. Вошел в соприкосновение и полк Некрасова. По пути нашего продвижения к нам присоединялись разрозненные группы красноармейцев. Мы формировали из них роты, назначали командиров и направляли обратно в бой. Уличные бои начали приобретать жесточенный характер. Они шли почти на каждой улице³⁶.

Протяженность линии фронта увеличилась. Белые усиливали натиск, который красные сдерживали с большим трудом. У них не хватало людей, но они уже оправались от неожиданного нападения и к середине дня их оборона приняла организованный характер. Об этом же говорят и белые, и, не появившись в Перми в 12 часов дня начальник 1-й Сибирской дивизии генерал-майор Б.М. Зиневич, неизвестно как бы развивались события, который придавал осмысленность действиям белых. Роты перешли в наступление, чтобы выбить красных со станции Пермь-1.

На красноармейцев, отстаивающих станцию Пермь -1, внезапно обрушился огонь пулеметов с чердака здания штаба 3-й армии (дом Мешкова), только что оставленного советским командованием. К ним присоединился пулемет с чердака здания губернской ЧК (угол Петропавловской и Оханской – дом Пермякова), где находился еще заместитель предчека Г. Воробцов с группой чекистов³⁷.

Через полчаса после прибытия генерала Зиневича 6-я и часть 2-й роты выбили красных с прилегающих к вокзалу улиц и овладели станцией Пермь-1. Командир взвода 6-й роты прапорщик Иван Кагалов ворвался со своим взводом на ст. Пермь-1, лично замкнув железнодорожные стрелки, чтобы не было подхода противника с востока. Тот час же был разобраны пути со стороны станций Мотовилиха и Перми-2, и таким образом,

отрезан путь всем большевистским эшелонам, находящимся на станциях Левшино и Мотовилиха.

Только после этого связь вокзала Пермь-1 прекратилась с учреждениями Советской власти в Верещагино и Глазова. Военный комиссар Верещагинского железнодорожного телеграфа И.А. Широглазов вспоминал: “С каждым часом, начиная с 23 декабря, с фронта поступала неутешительная информация.... Около 9 часов вечера 24 декабря без предупреждения прекратилась связь с управлением железной дороги и ст. Пермь-1.... При появлении связи на вопрос: Почему долго не отвечаете? Получили ответ: “Уходи, красная сволочь”! 25 декабря прекратилась связь с Пермью-2³⁸.

Как была захвачена станция Пермь-1, можно узнать из рассказа командира роты 20-го полка Добромывова, охранявшего станцию.

“Около 4 часов утра 24 декабря, выставленный патруль около казармы (на Петропавловской улице напротив Перми-1), сообщает, что в городе стрельба. Я доложил о происходящем командиру полка. Он приказал усилить караул от 2-й роты, а 1-ю роту приказал вывести на ст. Пермь-1 и поставить заставы в сторону Мотовилихи, чтобы белые не захватили ст. Пермь-1. Мне приказал находиться при 2-й роте и доносить о всех действиях противника. Выставив заставы, я поместился для удобства связи в комнату коменданта ст. Пермь-1. Комендант станции, бывший офицер, фамилию не помню, был очень любезен. Предложил пользоваться своим телефоном, который уже не работал, т.к. связь была где-то порвана. На вопрос Товарищ комендант - нужно принять меры к восстановлению связи - он отвечает - Сейчас установят, но совершенно вышло обратное. На Туннельном мосту появились пулеметы белых, но комендант утверждал, что пулеметы наши. Для выяснения командир 2-й роты т. Воедок приказывает командиру взвода выяснить, чьи пулеметы. По выяснению пулеметы оказались белых. Следовательно, мы отрезаны от ст. Пермь-2. Попытались установить связь с командиром полка. Не удалось, но комендант успокаивает - связь мною сейчас будет установлена.

Время шло. Кругом стреляют. В станции много раненых красноармейцев и рабочих, но положение остается не выясненным - отступать или держаться и так продолжалось до 2-х часов дня 24 декабря.

В 2-3 часа дня в комендантское управление врывается банда белых 15-20 человек, вооруженных винтовками и наганами в штатском платье, на фуражках инженера-технические знаки. Личности интеллигентные, дерзкие, нахальные до варварства. Скомандовали мне и моим связным: “Руки вверх!”, наставляя в упор наганы. Пришлось подчиниться, рассчитывая, что в этот переполох могут и они сейчас быть пленными у нас. Нас забрали³⁹. Это был отряд штабс-капитана Марсеева, который захватил на ст. Пермь-1 денежный ящик с 500000 рублями, типографию и редакцию газеты 29-й стрелковой дивизии «Окопная правда» во главе с главным редактором Бажовым П.П., будущим известным советским писателем. Красные, отступив к Перми-2, заняли женский монастырь и дом Мешкова⁴⁰. 6-я рота штабс-капитана Рязанова, наступая по Соликамской улице, захватила 4 орудия, 4 действующих пулемета и один миллион семьдесят четыре тысячи рублей⁴¹. При отступлении много красноармейцев попыталось выйти по льду реки Камы на противоположный берег, но почти все они были взяты в плен, а многие тут же расстреляны.

8-я рота 4-го Енисейского полка захватила автомобильный гараж на Торговой улице -61. На грузовики поставили пулеметы и прапорщики Воробьев и Долинин помчались по улицам, обстреливая красноармейские цепи. За автомобилями двигалась пехота.⁴² Красноармейские отряды отчаянно защищались. Так в ходе уличных боев бойцы 4-й роты 1-го Рабоче-Крестьянского полка (командир роты А.Г. Кожевников) захватили грузовой автомобиль с белогвардейским отрядом, вооруженных винтовками и пулеметом, при этом погиб Кожевников⁴³.

Красные отошли к Перми-2 и удерживали несколько кварталов перед ней. Масленников подтверждает это: “В середине дня, сосредоточив большие силы на нескольких улицах, противник стал теснить наши части к Каме, угрожая отрезать наш левый фланг, а вместе с ним и дом Мешкова со штабом Клокова и ст. Пермь-1. Я доложил об этом Клокову. Он дал распоряжение завернуть левый фланг к Каме, оставив противнику Пермь-1 и дом Мешкова(Оперативный штаб бригады он перенес на ст. Пермь-2).

Комбриг Клоков вместе с комиссаром Беляевым продолжали организовывать сопротивление белым на улицах города. Командир 1-го Камышловского полка Некрасов и комполка Галенкин со своими бойцами с трудом сдерживали натиск белых. Камышловцы закрепились на углу Покровской и Кунгурской улиц в каменном здании, но их оттуда выбили с тыла. Оставив дом Мешкова, загибая фланги, остатки 2-й бригады отходили к Каме”⁴⁴.

Завернув левый фланг к Каме, инженерный батальон подтянулся ближе к ст. Пермь-2 и закрепился на новых позициях. Подтянул свой фланг и Камышловский полк. Протяженность линии фронта стала меньше. Бои развернулись за обладание ст. Пермь-2, последней опорой красных в городе, которую постоянно обстреливали орудия белых со стороны Красных казарм. Что там творилось, записал боец полка “Красные Орлы” Голиков: “Снаряды, летевшие из города, ложились на станцию. Пути забиты груженными эшелонами. Тут же составы с ранеными. Толпы безоружных, охваченных паникой красноармейцев бросались из стороны в сторону. Вся станция забита составами”⁴⁵.

Этому подтверждение рассказ железнодорожника Бурматова. “Состав с (железнодорожной) коллегией застрял у семафора. К вечеру раздались пушечные выстрелы и первый снаряд разорвался около вокзала Пермь-2. Паника усилилась. Под пушечным обстрелом строится железнодорожная рота и отступает за Каму, вместе с ней отступают ответственные работники”⁴⁶.

Поведение специалистов отмечено в рассказе коммуниста Зайцева. “16 декабря 1918 года была проведена мобилизация всех членов партии управления округа путей сообщения и был образован отряд особого назначения по обороне города Перми в 140 человек. Все члены отряда были переведены на казарменное положение. Казармы располагались по Торговой улице напротив железнодорожного училища.

23 декабря в 2 часа дня был получен приказ о подготовке к посадке в вагоны, что к 7 часам вечера было исполнено. Состав стоял на Перми-1. ...

В 8 часов утра поезд ушел от ст. Пермь-1 на Пермь-2. Там составы стояли сплошной линией на всех путях. Решили идти пешком до станции Курья. Здесь отряд начал разбегаться. Сначала сбежали специалисты, а за ними и все остальные. Во всех вагонах валялись брошенные винтовки и бомбы. Я сколотил отряд в 25 человек, собрал все винтовки из вагона и двинулся через Каму на двух подводах. Белые вели сильный артиллерийский огонь с 54 разъезда по Камскому мосту и по реке”⁴⁷.

Подлежащие эвакуации специалисты разбежались по домам, как только представлялась возможность. Вот как об этом давал показания в ОГПУ в 1923 году врач Александровской губернской больницы г. Перми Дмитрий Афанасьевич Эскин: “В период занятия Перми Колчаком я со станции пошел домой, затем спокойно стал продолжать работу. Мой брат генерал Эскин, подлежащий эвакуации согласно распоряжения штаба 3-й Красной армии также вернулся с Перми-2 и через день пришел ко мне (соскочив с поезда), жил у меня, был арестован в течении двух суток, затем получил назначение командовать бригадой, вскоре переехал на другую квартиру”⁴⁸.

Последним эшелонам из Перми выехали: председатель ГубЧК Малков и его заместитель Ивонин, которые впоследствии рассказывали, как они вечером последним поездом выезжали из Перми-2. “Когда выезжали на входные стрелки, то линия огня была

уже у депо. За нашим поездом был отправлен поезд, но его подшибли на Камском мосту и он там остался⁴⁹.

На станции Пермь-2 были не только грузы, но и эшелон с пленными. Один из артиллерийских снарядов попал в него. Охрана разбежалась. Пленные бросились в разные стороны⁵⁰. На станции творилось столпотворение. Голиков вспоминал: “Мы во главе с товарищем Акуловым стали наводить порядок. Это оказалось нелегким делом. Паникерам пришлось пригрозить оружием. Постепенно установили охрану, назначили патрули. Через Каму двинулись поезда”⁵¹.

Красноармейцы, находившиеся в это время на станции, впоследствии вспоминали: “Акулов под обстрелом, с шашкой, на коне гарцевал по платформе ст. Перми-2”. “Три лошади под ним убило, а ему - ничего. Перескочит на другую и - опять за работу”⁵². Акулов, совместно военком бригады Яхониным, сумел подчинить разрозненные группы красноармейцев, организовав оборону узловой станции Пермь-2.

Белые с нарастающей силой рвались к станции Пермь-2. Одновременно к ней пробивались из окружения отдельные мелкие группы красноармейцев и красноармейцы-одиночки. Красные едва сдерживали натиск противника. Но, оказывается и белым, приходилось не сладко. Вот что писал впоследствии командир 4-го Енисейского полка подполковник Мальчевский: “К 12 часам взято 8 тысяч пленных и 29 орудий. Ряды енисейцев таяли. Пришлось вести неравный бой у железнодорожной станции Пермь-2, отбивая атаки красных. Уже 25 декабря пришла поддержка: две роты 5-го Томского полка и штурмовой батальон”⁵³.

Сплошного фронта в городе не было. Командир полка “Красные Орлы” Ослоповский вспоминал: “Решили идти к Перми-2. Наш отряд, прячась за заборами, вышел в тыл белым и открыл огонь им в спину. Белые занервничали и стали перестраиваться и двинулись по улицам перебежками, с явным намерением обойти нас. Нам пришлось тоже перебежать на другую сторону улицы. Так мы маневрировали до темноты”⁵⁴. Ночью отряд Ослоповского ушел из города.

К вечеру почти весь город, почта, телеграф и Пермь-1 были в руках сибиряков. Уполномоченным по гражданской охране занятой части города Перми назначили штабс-капитана Марсеева⁵⁵.

Командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-майор Пепеляев доносил командующему Екатеринбургской группы генерал-майору Гайда, что весь день 24 декабря его части вели ожесточенный бой в городе⁵⁶. Ночь прошла спокойно, стрельбы не было.

Что же в этот день происходило в Мотовилихинском заводе и могла ли прийти помощь белым оттуда.

24-го декабря 1918 года в 4-е часа утра 2-й Барабинский полк под командованием полковника Ивакина атаковал Мотовилихинский завод со стороны Пихтовки и Висима. В заводе находился Лесновско-Выборгский полк, выбитый белыми 22 декабря из сел Насадка и Серьга, который был настолько деморализован, что не выполнил приказа командира полка о занятии следующего рубежа в районе д. Гори, а в беспорядке сбежал в Мотовилиху. Всего собралось в рабочем поселке около ста человек. Комполка медлил направить полк на позиции опасаясь, что люди разбегутся⁵⁷. Местные органы власти влили в полк 300 мобилизованных комсомольцев и коммунистов. Туда же на отдыхе прибыл 23 декабря 3-й батальон 1-го Крестьянского полка. Кроме того, в связи с тем, что завод находился на военном положении, райком произвел мобилизацию коммунистов, сформировал и вооружив отряд в 700 - 1000 штыков, штаб которого располагался в “Народном доме”.

Таким образом, для защиты Мотовилихинского завода было выставлено 1100 – 1600 штыков. Бойцы Мотовилихинского отряда находились на казарменном положении. Для них было организовано горячее питание из конины. На опасных местах были выставлены

посты, по улицам (в последние дни) круглосуточно ходили патрули, производилась разведка близ лежащих селений. 22-23 декабря защитниками завода производилась разведка по дорогам Лядовского тракта и другим дорогам, откуда ожидали прихода белых. В это время солдаты, разложившейся Красной армии, расходились сотнями по домам.

В ночь на 23 (в 11-12 часов) на места, где были выставлены посты и разведка, посылались для связи и осведомления вестовые. Был выслан заслон в 30 человек во главе с Н. Козловым, который засел в Пихтовке около кирпичных сараев.

Штаб был настороже, и, получив первое уведомление, что где-то около красных постов белыми был дан световой сигнал, а через некоторое время – выстрел, отдал приказ привести мотовилихинский отряд в боевой порядок. В это время посты уже были сняты белыми, которые устремились на Большую улицу, стреляя из винтовок и пулеметов, по выступившей красной цепи на Монетной улице и Базарной площади. Завязалась перестрелка. Участники обороны утверждают, что белые еще с вечера ввели и разместили свой полк под видом красноармейцев на Висиме и в Пихтовке, войдя в завод со стороны вершины мотовилихинского пруда и, когда Козлов и его бойцы, увидев белых, открыли стрельбу, то Пихтовка и Висим были уже заняты барабинцами⁵⁸. Возможно, это были команды разведчиков 2-го Барабинского полка, т.к. весь полк 22 декабря находился еще в селе Троицком.

Председатель ревкома Мясников в это время ушел в управу завода для установления пушек и пулеметов, после чего защитники его и часть командного состава отряда уже не видели. Пушки не применяли, т.к. на это не дала согласия администрация завода. Таким образом, мотовилихинский отряд лишился командиров⁵⁹.

У подножья горы “Вышка”, на стыке Лядовского и Соликамского трактов оборонялся отряд мотовилихинских рабочих совместно с Лесновско-Выборгским полком. Весь день они отбивали атаки барабинцев, не давая им пробиться на Большую улицу⁶⁰. Батальон 1-го Крестьянского полка рассеялся и в одиночном порядке отступил за Каму и далее к ст. Чайковская. Остатки батальона приняли участие в обороне поселка совместно с Лесновско-Выборгским полком. Защитники Мотовилихинского завода перешели в контратаку, потеснив 3-ю роту Барабинского полка. Тогда командир роты прапорщик Богданов с криком “ура” бросился в атаку, сбил противника и захватил 3 пулемета, которые тут же были, обращены против противника⁶¹. Красноармейцы отступили, закрепившись на новом рубеже. Вновь начались уличные бои.

К мотовилихинскому вокзалу уже в 6 часов утра неслась масса бегущих в панике рабочих, которые уже знали, что в поселке белые, но где и сколько никто не знал. В 7 часов утра районе Висима также слышалась ружейная стрельба⁶².

По Большой улице также двигалась масса рабочих, направляющихся в сторону Юго-Камска. На углу Большой и Буковской улиц стоял патруль мотовилихинских рабочих, ожидавших лошадей для отступления. Как говорилось в приказе по Сибирской армии: “В течение 11 часов, с 4 до 15 часов, шел бой на улицах Мотовилихи. Противник засел в домах и упорно, обстреливая барабинцев из пулеметов. В ночь на 25 декабря прапорщик Богданов атаковал центр сопротивления – народный дом и захватил его. В плен было взято 300 человек. Много было убитых. Противник бежал”⁶³. Барабинцы пытались отрезать путь отступления красным к реке Каме, но те ночью оставили позиции, отступив к деревне Низовка, где сформировали батальон «беспощадных коммунистов», который отступил к станции Верещагино. 25 декабря барабинцы ликвидировали оставшиеся очаги сопротивления красных.

Таким образом, Мотовилихинский завод, в котором проживало в 1912 году 39 тысяч человек, был захвачен двумя ротами (436 штыков) 2-го Барабинского полка. Благодаря действиям прапорщика Богданова, была захвачена колоссальная добыча: 2 броневика, 10 пушек, до 1000 снарядов, до 15 000 патронов, 10 кухонь, хлебопекарня, до 20 пулеметов, паровозы, составы и другое имущество⁶⁴.

Начальником гарнизона Мотовилихинского завода был назначен командир 2-го Барабинского полка полковник Ивакин, который восстановил волостное управление, а комендантом - поручик Иванов. Многие мотовилихинцы вступили добровольцами в полк, а общественность Мотовилихи взяла шефство над полком. В поселке были размещены все службы полка, был открыт военный лазарет и сформирован кадровый батальон полка. 25 января прошло собрание граждан Мотовилихи, которое выразило приветствия адмиралу Колчаку, генералу Гайде и офицерам и солдатам 2-го Барабинского полка.⁶⁵ На собрании присутствовали конная и пешая разведки полка. Граждане Мотовилихи заверяли барабинцев, что они не забудут ратных подвигов, совершенных сибиряками в исторические дни для их завода (24, 25 декабря 1918 г.). “После безмерных переходов среди снегов и страшных морозов, вы бурным натиском и героическими усилиями прогнали большевистские войска и власти”⁶⁶. После собрания прошел молебен в честь полка. 11 марта командир полка полковник Ивакин поблагодарил Мотовилихинскую волостную земскую управу за радушный прием⁶⁷.

Но красные могли нанести удар по Перми со стороны станции Левшино через Мотовилихинский завод. Этого не случилось, хотя там находился 24-й полк 4-й Уральской дивизии красных и батальон полка “Красных Орлов”. Что творилось на станции, вспоминал впоследствии красноармеец 24-го полка Бакалдин: “На станции Левшино десятки эшелонов и ни одного паровоза. Связи с Пермью нет. Направили бронепоезд в Пермь для установления связи. Не прошло и часа, как он вернулся, сообщив, что Пермь занята белыми. У нас командиров нет и полк как стадо баранов. Не знаем, что делать. Я и еще 4 товарища взяли один “Люис”, 5-ть дисков, полмешка консервов, буханку хлеба и отступили в Заозерье и далее на ст. Григорьевскую, где сели на поезд и уехали на ст. Верещагино”⁶⁸.

Батальон полка “Красные Орлы”, взорвав на разъезде №100 бронепоезд и, уничтожив имущество, спешно отступил за Каму⁶⁹. Волынский полк отступал через Левшино и Заозерье в Кудымкар.

Помощь большевикам могла прийти от 30-й стрелковой дивизии, которая вела бои в районе железной дороги Пермь – Кунгур. С утра 23 декабря 5-й Томский полк и штурмовой батальон повели наступление в направлении с. Кольцово для того, чтобы перерезать железную дорогу Пермь - Кунгур. 6-я бригада 30й стрелковой дивизии, не выдержав натиска противника, отошла в с. Кольцово⁷⁰ и далее к железной дороге. Более того, боясь быть отрезанной в районе железной дороги Кылысово – Мулянка, 30-я стрелковая дивизия стала поспешно выводить свои войска в район Нытвенский завод – Юго-Камск. 3-я её бригада (1-й Уральский, Архангельский и Богоявленский полки) отступала от Кылысово, Платошино через Янычи, Старую Бершеть, Кояново, Лобаново и далее на Большое Савино, Н. Муллы, Горшки, Луговая и Нытвенский завод. 6-я её бригада отступала через Ергач, Кукуштан, Юг, Мулянка, Култаево и далее на Юго-Камск. Группа подполковника Кузьменко не смогла сдержать натиска 6-ти красных полков, которые отступили в район Нытвенского завода. 30-я стрелковая дивизия Блюхера не смогла организовать контрудар со стороны кунгурского тракта ни 24, ни 25 декабря. Это она смогла сделать только 26 декабря со стороны оханского тракта, но к этому времени Пепеляев перебросил туда 3-й Барнаульский и 4-й Енисейский полки, которые парировали удар.

Утром бой в городе возобновился с особым ожесточением. Красные повели наступление по Покровской и прилегающим улицам на станцию Пермь-1, но в результате ожесточенного боя были вынуждены снова отойти к вокзалу Пермь-2. В 2 часа дня по Сибирскому тракту подошли две роты 5-го Томского полка и штурмовой батальон капитана Урбанковского, третья рота которого под командованием поручика А. Струнге, сняв погоны для маскировки, и, перейдя на правый берег Камы, в коротком кровопролитном штыковом бою заставила замолчать пулеметы красных у железнодорожного моста. Один из пулеметов, захваченный исправным, сразу же был

обращен против врага. Противник был выбит с заминированного железнодорожного моста, который остался невредимым, т.к. были перерезаны провода к минам. Мост охранял батальон 20-го полка, который потеряла 40 человек убитыми и 300 пленными⁷¹. Медведев, отвечающий за взрыв моста, не сумел подорвать его, мотивируя это тем, что по нему в это время шел эшелон с ранеными. Сам он был захвачен в плен и впоследствии расстрелян⁷². Штурмовой батальон продвинулся вперед от Камского моста, заняв разъезд №37.

Совместной атакой енисейцев и штурмовиков в 4-е часа дня красных выбили со станции Пермь-2⁷³. Уже в 2 часа дня штаб обороны красных ст. Пермь-2 сообщил в штаб 3-й армии, что они оставляют станцию. Хотя по утверждению начдива-29 Васильева станцию они оставили в 19 часов.

При взятии г. Перми особо отличился 2-й батальон капитана Николая Ластовского, который захватил 16 орудий, 20 пулеметов и до 8000 пленными⁷⁴. Командир батальона был награжден орденом Св. Георгия 3 ст.

Командир инженерного батальона Масленников о взятии станции Пермь-2 говорит следующее: «В то время как мы дрались на улицах Перми, на ней шла лихорадочная работа по отправке эшелонов. Не хватало паровозов, машинистов. Эшелонами были забиты близлежащие станции и разъезды. Стало очевидно, что Стогов⁷⁵, которому Лашевич поручил эвакуацию эшелонов, находился в заговоре с предателями.

В начале второго дня противник артогнем разбил один эшелон и, заклинив железнодорожное движение на мосту через реку Каму, приостановил дальнейшую эвакуацию. Мы начали выводить из Перми воинские части. Большинство воинских частей, перейдя Каму, стало отступать вдоль железной дороги в сторону Верещагино. Я получил распоряжение отступать по тракту на Оханск⁷⁶. Масленников в своих воспоминаниях не раз не упоминает фамилию Ф. Акулова, как организатора обороны вокзала, хотя в приказе по 29-й дивизии он стоит первым. Начдив Васильев отмечал, что благодаря Акулову и Клокову «станция Пермь-2 удерживалась в наших руках до 19 часов 25 декабря, и за этот период из-под огня противника вывезено 15 эшелонов»⁷⁷.

Как отступали красные по оханскому тракту видно из телеграммы председателя областного совета А. Белобородова: «Пермский ревком вышел из Перми 24-го числа вслед за нашим комендантом города Окуловым. Сегодня прибыл в Оханск. Воинские части идут по тракту в беспорядке, нет авторитетной власти остановить движение. Организованные комендантские управления Култаево, Оханска бессильны. Давайте ваши указания, телеграфируйте»⁷⁸. Вдоль железной дороги Пермь-Вятка по воспоминаниям командира карательного красного отряда Сивкова творилось следующее: «А в это время мимо Чайковской в два ряда медленно и непрерывно двигались обозы. Чего только здесь не было! В глубоком возке ехала полузамерзшая семья, а следом шли сани с пружинным матрацем, на котором удобно расположились два здоровенных дяди в солдатском обмундировании, но без винтовок. Везли диваны с продранными сиденьями, деревянные скамейки, горки для посуды, кадушки с соленьями. Везли мешки с зерном и картошкой, везли зеркальное трюмо. И каждый готов был с топором в руках защищать свое место в обозе, не допустить, чтобы его кто-нибудь обогнал»⁷⁹.

В Очерском заводе (40-45 км от Оханска) располагался 10-й инженерный батальон 10-й Советской дивизии, который имел в своем составе 1000 человек. Сталин называл его полком. Командование батальона (все офицеры), видя поспешное отступление красных, решило поднять восстание, но об этом узнало командование 3-й Красной армии. В это время в Очер прибыл отряд начальника гарнизона г. Перми Окулова, который уже пришел в себя. «Я получаю приказание от кадровой дивизии: «Товарищ Окулов лично, немедленно арестовать весь штаб». Шлю за своим помощником Дмитрием Михайловичем и говорю: «Надо весь комсостав арестовать к 4 часам утра».

Арестовали 43 человека. Почти всех по списку. Одного только нет. В 6 часов утра люди спят. ...

Но, через несколько времени, мне сообщают, что опять заговор. Еще арестуют 20 человек. Отправляем всех под конвоем на ст. Верещагино на подводах. В 11 часов сижу у комиссара. Ко мне приходит один человек. Говорит: “Я также офицер. Возьмите меня”. Почему? Я угнетателям служить не намерен. Но я ему. Может вам письмо нужно написать жене или детям. Нет. Некому мне писать. Я Никонту (командир казачьей сотни) говорю: “Отведи его в расход. Через час докладывает, что приказание исполнено и принес отдать бумажку. На какой мне черт⁸⁰. Было расстреляно 64 офицера. Батальон был расформирован и отправлен на ст. Свеча.

Весь день 24 декабря в городе происходили расстрелы коммунистов. Отряд (в последствии рота Пермского офицерского полка) штабс-капитана Блохина, состоящий из офицеров, несколько раз приходил к губернской тюрьме брал партию коммунистов и уводил их за Красные казармы в лес и там расстреливал⁸¹. Расстрелы коммунистов происходили и прямо на улицах города. Так у стены арестантского отделения по Сибирской улице были схвачены и расстреляны два комиссара. Один из них, лежа на снегу и обливаясь кровью, умолял добить его. На Вознесенской улице по указанию какой-то женщины был схвачен и расстрелян коммунист. Труп его долго лежал на углу Вознесенской и Сибирской. По городу валялось много трупов⁸². Белый террор, по мнению врача Эскина Д. А., пережившего и белый, и красный терроры, это “зуб за зуб” и вполне объясним. Он воспринимался жителями города, как должное.

26 декабря 1918 г. Генерал-майор Пепеляева издал приказ, в котором в частности говорилось:

1. 24 сего декабря части 1-го Средне-Сибирского корпуса взяли г. Пермь;
2. Советская власть в Пермской губернии объявлена низложенной. Отныне Пермская губерния восстанавливается с русским государством под властью Всероссийского Верховного Правителя Адмирала Колчака⁸³.

В этот же день в город вводятся дополнительные войска: 3-й Барнаульский, 8-й Бийский полки. Начальником гарнизона уже 24 декабря назначается командир 3-го Барнаульского полка подполковник Камбалин⁸⁴, а начальником штаба штабс-капитан Рязанцев⁸⁵, комендантом города – полковник Николаев, бывший комендант города до революции, но уже 29 декабря начальником гарнизона становится командир 8-го Бийского полка подполковник Эпов⁸⁶, т.к. красные перешли в наступление на г. Пермь со стороны Оханского тракта и 3-й Барнаульский полк выступил на защиту города. Управление начальника гарнизона расположилось на Сибирской -8⁸⁷. Город был разделен на 10-й районов, вся власть в которых принадлежала комендантам, которые подчинялись начальнику комендантов полковнику Манучарову⁸⁸.

Приказом командира 1-го средне-Сибирского корпуса было восстановлено земское и городское самоуправление, проведена мобилизация офицеров и военных чиновников⁸⁹, из которых был сформирован 1-й Пермский офицерский полк под командованием полковника Полякова. Полк располагался в Мариинской женской гимназии. Первое время он нес караульную службу в городе, охранял грузы на станциях Пермь-1 и Пермь-2., а также привлекался к расстрелам коммунистов. 1 января 1919 года была создана начальником гарнизона подполковником Эповым комиссия “по расследованию преступных деяний большевиков и их сотрудников. В нее были включены: председатель Пермского окружного суда К.В. Соколов, его заместитель Б.Ю. Двужильный, товарищ прокурора Суда Д.С. Тихомиров, представитель начальника гарнизона полковник В.Н. Тихомиров, представитель духовенства О.В. Морозов, от Пермского уездного земства – Н.А. Вармунд, от городского самоуправления – В.И.

Киснемский, от присяжной адвокатуры – М.Я. Попов, от университета – Н.Н. Фиолетов, от губернской администрации – В. Э. Андроли⁹⁰. Жизнь стала входить в колею.

Таким образом, губернский 75-ти тысячный город Пермь был захвачен 4-м Енисейским полком, в котором насчитывалось на 12 декабря 1918 года не более 672 штыков, двумя ротами Томского полка (примерно 200 штыков) и штурмовым батальоном капитана Урбанковского, в котором было к 12 декабря 1918 года 935 штыков⁹¹. Сибиряков было не более 1800 штыков. По предварительным данным, ими было взято 8000 пленных к 12 часам 24 декабря. Конечно, значительную роль в захвате г. Перми сыграло офицерское подполье, численность которого неизвестна, но видимо была значительной, иначе все остальные действия необъяснимы.

По поводу занятия Перми в оперативной сводке Сибирской армии к 22 часам 25 декабря было сказано: “Благодаря исключительной доблести и героизму частей генерала Пепеляева и генерала Вержбицкого, которые своим наступлением вниз по реке Чусовой оттянули от себя большие силы красных, был занят город Пермь. Части Сибирского корпуса, увлекаемые личным примером начальников во главе с доблестным генералом Зиневичем, в 6 часов утра 24 декабря после 30 верстного перехода ворвались с молниеносной быстротой в город Пермь. Добыча не поддается учету. Подсчитано 20 000 пленных, 50 орудий, масса пулеметов, патронов, 4000 вагонов, много седел, броневик. Мост через реку Каму цел, занятый штурмовым батальоном после кровопролитного штыкового боя. Красные ничего не успели эвакуировать из Перми. Ушел только один эшелон с комиссарами и командным составом. Такие блестящие результаты достигнуты только благодаря героизму начальников и русского солдата. До сих пор с начала наступления 28 ноября число пленных достигло 30 тысяч человек. Таким образом, совершенно разбита вся 3-я советская армия.

Командующий Екатеринбургской группой войск генерал-майор Гайда”⁹².

На следующий день в оперативной сводке Сибирской армии было уточнено: “Войска генерала Пепеляева, очистив Пермь от красных, перешли на правый берег Камы. Взято 18 тысяч пленных, 50 орудий из них 26 действующих, много 6-ти дюймовых орудий, одна дальнобойная мортира, не сделавшая ни одного выстрела, масса пулеметов, винтовок, патронов, 20 автомобилей, громадное количество конского состава, броневик, 4000 вагонов”⁹³.

Сколько же было взято в плен красноармейцев пока вопрос открытый. Цифра колеблется от 8000 до 20 000.

Какими силами располагало подполье. Винер, работавший при красных помощником комиссара по аптекам, доказывал, что он работал в Алексеевской организации в группе Симонова с мая 1918 года⁹⁴. Белобродский рассказывал, что после разгрома 17 июня подпольной организации архиепископа Андроника, он примкнул к организации подпоручика Лобашева, к которой впоследствии примкнула группа Симонова⁹⁵. В августе месяце в группу Симонова попал штабс-капитан Марсеев, который впоследствии организовал отряд боевиков в 40 человек⁹⁶. Из всего этого вытекает, что все эти группы входили в одну организацию, в которую входил и Белобродский. В беседе с корреспондентом газеты “Освобождение России” он сказал, что к 15 декабря организация была малочисленной и имела 50 боевиков, поэтому отложила день восстания. Это все относится к боевым офицерским организациям. Была еще организация Оленева, которая существовала с 1917 года, но она занималась только сбором информации⁹⁷. Имелись свои мелкие подпольные организации у кадетов, меньшевиков, правых эсеров и т.д. Это подтверждается следующими фактами.

4 сентября был предотвращен террористический акт против командования 3-й армии, который планировали осуществить правые эсеры. Было арестовано 73 человека⁹⁸.

5 декабря эсеры организовали забастовку трех цехов на Мотовилихинском заводе, которая была подавлена⁹⁹ и в Мотовилихе было введено военное положение.

9 октября произошло волнение в Егошихинских казармах, в результате чего был убит командир 1-го Пермского полка Струевич и избит его заместитель Черняховский. 57 красноармейцев было арестовано¹⁰⁰. В инциденте участвовали не только красноармейцы Пермского полка, но и других частей. Полк перебрасывают на передовую в состав 30-й стрелковой дивизии и, пробыв на фронте 4 дня, он 6 октября в 6 часов вечера между станцией Шамары и разъездом №61 в составе 26 офицеров и 985 солдат перешел на нашу сторону белых с музыкой и песнями. Спаслось только 159 бойцов¹⁰¹, остальные разбежались.

15 декабря у станции Комарихинская маршевый батальон, прибывший из Перми в полк “Красные Орлы”, в полном составе переходит на сторону белых¹⁰². Офицерская организация 1-го Советского полка не смогла установить связь ни с одной подпольной организацией города Перми и вынуждена была сдать полк только на передовой 24 декабря¹⁰³. В августе месяце из штаба 10-й Пермской дивизии исчезают начальник штаба дивизии Сандецкий и 17 сотрудников штаба, бывших офицеров¹⁰⁴. В начале января 1919 года из 10-й артбригады, которая формировалась в г. Перми, расквартированной в с. Слободское Вятской губернии, бегут в Пермь 11 офицеров во главе с командиром бригады полковником Головиным¹⁰⁵. Из выше сказанного можно сделать вывод, что хотя подполье и было многочисленно, но разрознено. Правда, на стороне восставших был весь 10-й кавалерийский полк, расквартированный в с. Ильинском¹⁰⁶, которое в 70 км от Перми. В руководство восстанием входили: командир полка Константинов¹⁰⁷, его помощник Еремеев, а также все 6 командиров эскадронов. Военные действовали совместно с местной подпольной организацией, которой руководил штабс-капитан Полещук¹⁰⁸. Подпольщики разработали план восстания и, как только 24 декабря прервалась связь с Пермью, а солдаты получили оружие, командиры эскадронов Гаген¹⁰⁹ и Бронштейн подняли личный состав эскадронов, захватив совдеп, комиссариат и ЧК. Коммунисты бежали на ст. Григорьевскую и в с. Средняя Егва. На сторону белых перешло 800 человек, при 2000 винтовок. Восставшие стали ловить коммунистов и сочувствующих им, расстреляв более 100 человек. Из местных жителей был сформирован 1-й Пермский партизанский отряд под командованием прапорщика Соколова. 5-я Сибирская дивизия, наступающая со стороны Добрянского завода, вошла в село Ильинское лишь 27 декабря.

Паздников, в статье “Заговор”, утверждает, что Ильинские повстанцы имели связь с пермской подпольной организацией и по её заданию должны были выйти к станции Григорьевская, ударив с тыла по 29-й стрелковой дивизии. Но это скорее желаемые действия белых, а не действительные. 10-й кавалерийский полк с 24 по 27 декабря не сдвинулся с места, тем самым не перекрыл пути отступления частям Красной армии и обозам коммунистов из района Левшино. Повстанческие отряды, образованные в соседних деревнях, были предоставлены сами себе и некоторые из них были разбиты. Так, Путиловский кавалерийский полк, переодевшись в форму 3-го Барнаульского полка, вошел в доверие к повстанцам в с. Васильевском, а за тем расстрелял их, благополучно вернувшись в село Григорьевское¹¹⁰. Подобную историю, события проходили в этом же районе, приводит в своих воспоминаниях и комбриг Онуфриев¹¹¹. Если данные события имели место, то это могло произойти только при плохой координации действий командованием Сибирской армии подпольными организациями. Хотя при освобождении Иркутска, Верхнеудинска и Читы разведка у Пепеляева работала эффективно и связь с подпольем была на высоте. Это отмечали даже красные командиры.

В Перми же боевые действия подпольщики начали только после начала штурма сибиряками г. Перми. Боевые группы прибывали в штабе 4-го Енисейского полка с оружием и там получали задание. Туда же являлись и одиночки, из которых

формировались отряды. Оружие у восставших пряталось в тайниках по всей Перми. Так в 1972 году на улице Большевицкой (бывшая Екатерининская) в частном доме №178 был обнаружен тайник с оружием (карабин и 4-е револьвера)¹¹².

30 декабря в Пермь прибыли: американский, английский и французский консулы Вальмер, Престон, Баярд¹¹³ для ознакомления с обстановкой, а 3 января - командующий Сибирской армией генерал-майор Гайда¹¹⁴.

После взятия Перми произошло два знаменательных события: парад победителей на Соборной площади г. Перми и приезд в 3-ю Красную армию партийной комиссии по расследованию причин пермской катастрофы.

По заведенной традиции в Сибирской армии 2 января проходил парад войск победителей на Соборной площади. Его принимал генерал-лейтенант Пепеляев, который был награжден за взятие г. Перми орденом Святого Великомученика Георгия 3-й степени¹¹⁵ и получил очередное воинское звание генерал-лейтенанта. Командовал парадом начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Б.М. Зиневич. На площади появились они на лихой тройке. Перед началом церемонии Пепеляев произнес короткую, зажигательную речь, которая начиналась словом “братцы”, против ненавистного “товарищ”. Это обращение словно электрический ток пробежало по участникам парада и многочисленным зрителям. Закончил он свою речь следующими словами: “Молодые сибирские чудо - богатыри очищали дорогу от немецкого и большевистского засилья, в недалеком будущем возьмут самое сердце Руси, матушку - Первопрестольную Москву”. Это было встречено криками “Ура”. Народ, которого собралось много, со слезами на глазах махал шапками. Далее начался парад, в котором кроме войск 1-й Сибирской стрелковой дивизии, принимала участие гренадерская рота 1-го Советского полка, перешедшая на сторону белых. Стройными колоннами прошли все рода войск. Корреспонденты газет отмечали молодость солдат и большое количество в строю офицеров¹¹⁶.

5 января в Глазов прибыла партийно-следственная комиссия ЦК РКП (б) и Совета Оборона в составе Ф.Э. Дзержинского и И.В. Сталина, для выяснения причин падения Перми. В результате этого были сняты: командующий армии Лащевич, командир и комиссар 29-й дивизии Васильев и Мрочковский, командир 1-й бригады Ф. Акулов, расформированы все партийные органы Пермской губернии и т.д. Но комиссия не отметила самое главное - работу Пермского революционного комитета по обороне г. Перми в составе: Трифонова, Белобородова, Сафарова, Зофа, Харитонова, Залуцкого, Иванова, Окулова, Малкова, Семашко и Лукоянова. Ни один из членов комитета не остался в городе для организации обороны, сбежав из города 24 декабря в числе первых. Поражают сроки учреждения комитета - 20 декабря, когда бои уже шли у ст. Валежная (40 км от Перми)¹¹⁷, хотя уже 5 декабря в Перми было уже неспокойно. Забастовали три цеха пригородного Мотовилихинского завода. Выступление было подавлено и в Мотовилихе было введено военное положение¹¹⁸. Учреждение комитета должно быть гораздо раньше. Комиссию потрясли размеры потерь имущества в Перми. Партийная комиссия констатировала: “По имеющимся скудным данным, мы потеряли: 297 паровозов (из них больных 86), вагонов около 3000 тысяч, 900 тысяч пудов нефти и керосина, каустической соды несколько сот тысяч пудов, соли 2 миллиона пудов, медикаментов на пять миллионов рублей, материальные склады Мотовилихинского завода и Пермских ж.д. мастерских с громадными богатствами, механизмы и части Мотовилихинского завода, механизмы пароходов Камской флотилии, 65 вагонов кожи, 150 вагонов продовольствия отдела снабжения армии, крупнейший склад районного управления водного транспорта с ватой, мануфактурой, олеонафтом и пр., 10 вагонов с ранеными воинами, осевой парк путей сообщения с большими запасами американских осей, 29 орудий, 10 тысяч снарядов, 2 тысячи ружей, 8 млн. патронов, более восьми тысяч убитыми, ранеными и без вести пропавшими за период от 22 до 29 декабря”¹¹⁹.

Комиссия также отмечала картину “общего развала и дезорганизации армии и тыла, бесхозяйственность и безответственность армейских, партийных и советских учреждений дополняется неслыханным, почти повальным переходом целого ряда ответственных работников на сторону неприятеля. Руководитель оборонительных сооружений инженер Банин и все его сотрудники, путевый инженер Андриановский и весь его штат специалистов Округа путей сообщений, заведующий отделом военных сообщений Сухорский¹²⁰ и его сотрудники, заведующий мобилизационным отделом Окровоенкомиссариата Букин и его сотрудники, командир караульного батальона Уфимцев и начальник артиллерийской бригады Валюженич¹²¹, начальник отдела особых формирований Эскин¹²² и командир Инженерного батальона со своим помощником, коменданты станций Пермь-1 и Пермь-2, весь учетный отдел Управления снабжения армии и половина членов Центроколлегии, все они и многие другие остались в Перми, перебежав на сторону противника”¹²³. К этому следует добавить переход на сторону белых начальника и всех преподавателей школы красных командиров¹²⁴, 1-го Советского полка, 22-го стрелкового полка, расстрелявшего своего командира Мировича и всех коммунистов в с. Красном(30 верст от г. Губахи)¹²⁵, 10-го кавалерийского полка, 4-го Камского полка во главе с командиром полка Плешковым и штаба 3-й Камской бригады в районе Осы¹²⁶. Готовилось восстание в 10-м инженерном батальоне(более 1000 шт.), который был расквартирован в Очере¹²⁷. Всего в Перми к Пепеляеву присоединилось 701 офицер¹²⁸, в том числе: генерал-лейтенант Пряслов, генерал-майор Эскин, полковники: Клерже, Сухорский, Поляков, Николаев, Уфимцев, Ахметов, Манучаров, Шпилевский, Шелудченко, поэтому Пермская дивизия была сформирована в рекордно короткий срок - менее чем за месяц. Командование 3-й Красной армии считало, что все командиры этой дивизии (вплоть до младших офицеров) - кадровые военные¹²⁹.

Взятие Перми – это выдающаяся победа генерала Пепеляева, которую необходимо было развивать, т.к. 3-я Красная армия была на грани разгрома. Гайда шлет телеграмму в Омск.

Верховному правителю России адмиралу Колчаку.

Ваше превосходительство.

Докладываю. Сибирской армией взята Пермь. Крупнейший торгово-промышленный центр Урала. Войска третьей Красной армии бегут. Неприятель отброшен на сто километров. Красным нанесен значительный урон. Захвачено много пленных. У нас потери небольшие. Взятые огромные военные трофеи.

Войска Сибирской армии готовы продолжать наступление и ждут вашего приказа.

Командующий Сибирской армией генерал-майор Гайда.¹³⁰

29 декабря командующий Сибирской армией генерал Гайда получил от начальника штаба Западного фронта генерала Дитерихса следующий ответ по поводу дальнейшего наступления: “Ни Пермь, ни Уфа, ни Сарапул никакой роли сейчас играть ни могут. На Пермскую операцию я сам смотрю только как на хорошую школу, которая дана была Средне-Сибирскому и Степному корпусам”¹³¹. Операция развития не имела. Сам Пепеляев также не воспользовался захваченными богатыми трофеями. Большинство из них было растащено¹³² и уже в феврале месяце его войска испытывали нужду, как в продовольствии, так и в обмундировании¹³³. А в это время - как писала газета “Наш Урал” - на ст. Пермь-2 стоит 2600 вагонов разного рода грузов, которые разбросаны по всем путям. Вагоны раскрыты. Грузы расхищаются как военными, так и гражданскими. Комендант ст. Пермь-2 полковник Смелков отвечает, что все грузы - военная добыча и солдаты могут ими пользоваться¹³⁴.

По иному отнеслись к освобождению города от большевиков ее жители, которые полюбили солдат в суконных шапках с веточками ели. Агеева вспоминает: “ На другой день(25 декабря) было уже можно ходить по улице. Везде приветливые лица. Народ радостный, поздравляют друг друга, точно на Пасху”¹³⁵. Еще во время боя жители Перми

выходили из домов и поздравляли сибиряков, а уже на другой день, пришив самодельные погоны, записывались добровольцами в 4-й Енисейский полк. Восхищение сибиряками выражено в стихах местного поэта (П-к В-к):

В морозную вьюгу, по пояс в снегу,
 В порыве безжалостной мести
 К забывшему бога и совесть врагу
 Вы рыцари долга и чести,
 В бой ринулись. Дрогнул ваш враг,
 Рассеялась “красная” стая.
 И бело-зеленый Сибирский свой флаг.
 Флаг грозного, могучего края
 Вы смело подняли в свободной Перми¹³⁶.

А местный художник И.И. Чиркова написал уже к 25 февраля картину “Сибирские орлы”.

Обыватели горда Перми не чувствовали захвата города. Так рабочий депо станции Пермь-2 Остафьев Александр Михайлович так вспоминал об этих днях: «23 декабря 1918 года в 7 часов вечера закончил погрузку вагонов и ушел домой. 24 утром в 7 часов стал собираться на погрузку, а хозяйка заявляет, что в городе войска Колчака. Принял это как шутку, но, взглянув в окно, увидел солдат в погонах. 25 декабря приступил уже к разгрузке вагонов»¹³⁷.

Иную картину освобождения города дает в эмиграции генерал Клерже: «На рассвете Рождественского утра жители Перми были разбужены орудийными выстрелами, доносившимися с восточной стороны, и, когда уже совершенно рассвело, по улицам города появились первые дозоры белых сибиряков с зелеными ветками елок на головном уборе. Народ высыпал на улицы, лавки все мгновенно открылись, и на лотках появились всевозможные съестные припасы для продажи. Город переродился, город проснулся от искусственного сна, который ему привили перед этим агенты Третьего интернационала»¹³⁸. Конечно же, даже на третий день город не выглядел так. Журналист Калинин, прибывший в начале января в Пермь, назвал его «мертвым городом»¹³⁹. Только 22 января в Перми была разрешена свободная торговля¹⁴⁰.

6 января еще больной Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак издал приказ, в котором отметил успехи Сибирской армии.

Приказ № 96.

Сибирские войска закончили свои операции в Пермском районе блестящей победой. Уничтожена почти вся 3-я красноармейская армия, взята Пермь, захвачено большое военное и железнодорожное имущество и освобождено население огромной области от произвола и насилия изменников и предателей. Военные действия были выполнены в исключительно тяжелых условиях суровой зимы, в гористой, покрытой трудно-проходимой тайгой местности только молодыми Сибирскими войсками численно и по снабжению уступающему противнику. Искусство вождей, воинская доблесть и храбрость солдат преодолев все препятствия, сломали сопротивление врага и победа увенчала великие труды и лишения.

От имени Родины благодарю начальников, офицеров и солдат Сибирской армии, в трудах ваших, освободить родину от большевистского позора, и слава воинская да увенчает боевую работу и оружие Ваше, достойное истинных сынов Великой России, воскрешающее былую славу Русской армии.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

Подписал: адмирал Колчак.¹⁴¹

За пермскую операцию орден Св. Георгия 3-й степени получили: подполковник Кузьменко, капитаны Урбанковский и Ластовский, штабс-капитаны: Соколов, Боровиков, и Рязанов, поручики: Литовщенко, Струнге и Игнатов, подпоручик Мельников, прапорщики: Герасимов и Кагалов. Многие офицеры 1-го Средне-Сибирского корпуса получили очередные и внеочередные воинские звания. Были произведены:

В генерал-лейтенанты:

Генерал-майор Гайда Р. – командующий Сибирской армией;
Генерал-майор Пепеляев А.Н. - командир 1-го Средне-Сибирского корпуса;

В генерал-майоры:

Полковник Богословский Б.П. – начальник штаба Сибирской армии;
Подполковник Сурнин А.А. - начальник штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса;
Подполковник Мальчевский М. – командир 4-го Енисейского полка;
Подполковник Кузьменко Д.Н. – командир 5-го Томского полка;
Подполковник Эпов М.В. – командир 8-го Бийского полка;

В полковники:

Капитан Урбанковский Е.И. - командир 1-го Сибирского штурмового батальона;
Капитан Ластовский Н. - командир 1-го батальона 4-го Енисейского полка;
Подполковник Зеленевский Э. - командир 1-го Новониколаевского полка;
Подполковник Камбалин А.И. – командир 3-го Барнаульского полка;
Подполковник Пирожков С. - командир 6-го Мариинского полка.

Многие офицеры получили орден Св. Георгия 4-й степени, а стрелки – Георгиевские кресты.

Сразу после Рождественских праздников прошли похороны офицеров и солдат 1-й Сибирской дивизии, павших при взятии г. Перми, на Новом кладбище. Офицеров хоронили в синих гробах, а солдат в струганных. Сначала двигались катафалки с телами офицеров, а затем сани с гробами солдат. Траурная процессия, в голове которой шли воинские части, растянулась на несколько кварталов. Длиннен был список солдат, которых похоронили в братской могиле¹⁴². Сколько погибло человек при взятии г. Перми до сих пор неизвестно.

Впервые опубликовано в альманахе «Белая армия. Белое дело» №13 2003г. С.30-40.

¹ . Освобождение России (Пермь). - 1919.- 5 января

² . Цит. по: Свободная Пермь. - 1919.- 8 февраля.

³ . Голиков Ф. Красные Орлы. - Воениздат М. 1958. - С 109.

⁴ . Свободная Пермь. - 1919.- 2 февраля.

⁵ . Онуфриев И. Гражданская война на Урале. - Свердловск, “Уралкнига”, 1925. - С51.

⁶ . Согласно списка лиц, предназначенных на командные должности в 3-й Красной армии, Бармин Яков Петрович - подполковник, помощник командира полка. Опубликовано 11 июля 1918 года в Известиях Пермского губисполкома.

⁷ . Современная Пермь. - 1919. - 27 апреля.

⁸ . Цит. по: А. Федоров. Пермская катастрофа и контрнаступление восточного фронта. - Воениздат. 1939. - С102.

⁹ . Цит. по: П.К. Болотов. На судах и бронепоездах. //В пороховом дыму. - Пермь. 1961. - С57.

¹⁰ . Н. Баженов, Л. Дудин и другие. Под знаменем ВЦИК. Воениздат. - М. 1963. - С72.

¹¹ Свободная Сибирь (Красноярск). – 1919. – 1, 2 апреля.

¹² . Цит. по: Красный Урал (Пермь). - 1919. - 27 июля.

¹³ Государственный архив Пермской области. Ф. 39. Оп.1.Д.8.Л.61.

¹⁴ . В.Ф. Сивков. Пережитое- Пермь. 1962. - С215.

¹⁵ ГАПО.Ф. 39. Оп.1.Д.8.Л.61.

¹⁶ . Цит. по: С.И. Носков В революционно строю. /В пороховом дыму. - Пермь. 1961. -С139.

¹⁷ Второй Пермский губернский комиссар.

¹⁸ Цит. по: Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. Р-1580. Д, 16. Л1.

- ¹⁹ Полковник Уфимцев Алексей Прохорович. Служил в 232-м Ирбитском резервном батальоне командиром роты (капитан), затем с 1912 года командиром батальона в 194-м Троицко-Сергиевском полку – командиром батальона (подполковник). Начальник штаба Пермского гарнизона с января по июль 1919 года.
- ²⁰ Цит. по: ГАПО. Ф. Р-732. Д.40. Л.1.
- ²¹ . Цит. по: А.А. Алексеев. Страницы из гражданской войны. - Ижевск. 1959. - С28.
- ²² . ГАПО. Ф. 39. Оп.1.Д.8. Л.61; В.Ф. Сивков. Пережитое. - Пермь. 1962. - С215.
- ²³ . Вс. Н. Иванов. Исход. - /Дальний Восток. 1994 г. №12 - С3.
- ²⁴ . Освобождение России (Пермь). - 1919.- 28 января.
- ²⁵ . Цит. по: Отечественные записки (Екатеринбург). - 1919. - 14 февраля.
- ²⁶ . Цит. по: Агеева. Воспоминания о жизни в Перми в 1918 году / /Гражданин Перми. - Пермь. 1993. –С.33.
- ²⁷ Освобождение России (Пермь). - 1919. – 17 мая.
- ²⁸ ГАПО. Ф.Р-464. оп.1. д. 4. л.38.
- ²⁹ . Цит. по: Свободная Пермь. - 1919. - 2 февраля.
- ³⁰ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 16 января.
- ³¹ . Наш Урал (Екатеринбург). - 1919. - 22 февраля.
- ³² . Цит. по: П.К. Болотов. На судах и бронепоездах/ /В пороховом дыму. - Пермь, 1961. С.57.
- ³³ Цит. по: ГАПО. Ф. Р-732. Оп.1.Д. 121. Л.1.
- ³⁴ . Свободная Пермь. - 1919. - 2 февраля.
- ³⁵ . Белая армия. Белое дело. - 2003. - №13. – С.43.
- ³⁶ . Цит. по: Масленников Ф. А. Борьба за Пермь//В боях и походах. - Свердловск, 1959 . – С.305.
- ³⁷ . Н.Ф. Паздников. Борьба за Пермь. - Пермь. 1988 – С.35.
- ³⁸ . Цит. по: В.Г. Мельчаков. Верещагино: История города и района. – Пермь, 1994.- С.47.
- ³⁹ . Цит. по: ГАПО. Ф. Р-732. Оп.1. Д.121.Л.1.
- ⁴⁰ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 28 января.
- ⁴¹ . Белая армия. Белое дело. - 2003. - №13. – С.47.
- ⁴² . Свободная Пермь. - 1919.- 2 февраля.
- ⁴³ . Н. Баженов, Л. Дудин и другие. Под знаменем ВЦИК - Воениздат. М. 1963 . – С.72.
- ⁴⁴ . Цит. по: Масленников Ф. А. Борьба за Пермь//В боях и походах. - Свердловск, 1959 . – С.303.
- ⁴⁵ . Цит. по: Голиков Ф. Красные Орлы. - Воениздат М. 1958 г. – С.111.
- ⁴⁶ . Цит. по: ГАПО. Ф. Р-732. Оп.1.Д. 70. Л.2
- ⁴⁷ . Цит. по: ГАПО. Ф. Р-732. Оп.1.Д.145.Л3.
- ⁴⁸ . ГАПО Ф. Р-756. оп.1. д.3.Л.28.
- ⁴⁹ . ГАПО. Ф. Р-732.оп.1.д.212..Л.9.
- ⁵⁰ . Отечественные записки (Екатеринбург). - 1919. - 7 марта.
- ⁵¹ . Цит. по: Голиков Ф. Красные Орлы. - Воениздат М. 1958 г. – С.111.
- ⁵² . Цит. по: И. Черданцев. Красный орел. - Пермь. 1972 . – С.85.
- ⁵³ . Цит. по: Освобождение России (Пермь). - 1919. - 4 апреля.
- ⁵⁴ . Цит. по: Ослоповский И.А. Красные орлы/ /Юность боевая. - Лениздат. 1961. – С.139.
- ⁵⁵ . Освобождение России (Пермь). - 1919.- 28 января.
- ⁵⁶ . Цит. по: А. Федоров. Пермская катастрофа и контрнаступление восточного фронта. - Воениздат. 1939. – С.101.
- ⁵⁷ . Федоров. А Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. – М. – 1939. С
- ⁵⁸ . Слово о Моговилихе. Пермь 1974г. С.341.
- ⁵⁹ . ГАПО, Ф. Р-732.Оп1.Д.174. Л5.
- ⁶⁰ . ГАПО. Ф. Р-732. Оп.1. Д.358. Л.1.
- ⁶¹ . Белая армия. Белое дело. - 2003. - №13. – С.43
- ⁶² . ГАПО. Ф. Р-732.оп.1.д. 145. Л.1.
- ⁶³ . Цит. по: Белая армия. Белое дело. - 2003. - №13. – С.43..
- ⁶⁴ . Белая армия. Белое дело. - 2003. - №13. – С.43.
- ⁶⁵ . Освобождение России. – 1919.- 26 января.
- ⁶⁶ . Цит. по: Кунгурский вестник. - 1919 . -2 февраля.
- ⁶⁷ . Освобождение России (Пермь). – 1919. – 11 марта.
- ⁶⁸ . ГАПО. Ф. Р-732.оп.1.д. 32. Л.2.
- ⁶⁹ . Н. Баженов и др. Под знаменем ВЦИК. – Воениздат. Москва. 1963. – С.74.
- ⁷⁰ . А. Федоров. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. Воениздат.1939.- С104.
- ⁷¹ . Белая армия. Белое дело. - 2003. - №12. – С.44.
- ⁷² . Н.Ф. Паздников. Заговор./Разгром Колчака. - Москва. 1968. – С.226.
- ⁷³ . Вс. Н. Иванов. Исход. /Дальний Восток. 1994 г. №12 - С.6.
- ⁷⁴ . Белая армия. Белое дело. - 2003. - №12. - С44.

- ⁷⁵ . Полковник артиллерии Стогов Иван Евграфович (22.06.1877-22.07.1921) является с 12 декабря 1918 года начальником управления военных сообщений и эвакуации 3-ей армии.
- ⁷⁶ Цит. по: Масленников Ф. А. Борьба за Пермь//В боях и походах. - Свердловск, 1959. – С.303.
- ⁷⁷ . Цит. по: И. Черданцев. Красный орел. - ПКИ. 1972. - С86.
- ⁷⁸ Цит. по: Г.Г Кин, Г.П. и др. Первый Рабоче-Крестьянский. - Свердловск. 1978г. – С.72.
- ⁷⁹ Цит. по: В.Ф. Сивков. Пережитое. – Пермь, 1968. – С.201.
- ⁸⁰ Цит. по: ГАПО. Ф. Р-1580. оп.1.д.16.л.8.
- ⁸¹ . ГАПО. Фонд 464. Оп1. Д4. Л28.
- ⁸² . З. Рихтер. Поход Осевэка. Москва. 1933. – С.176.
- ⁸³ Красное Знамя (Томск). – 1992.- 19 ноября.
- ⁸⁴ ГАПО. Ф.Р-655.Оп.1.Д.9.Л.1.
- ⁸⁵ ГАПО. Ф.Р-746.оп.1.Д.8.Л.5.
- ⁸⁶ ГАПО. Ф.Р-746.оп.1.Д.8.Л.8.
- ⁸⁷ Освобождение России (Пермь). – 1919. – 19 января.
- ⁸⁸ ГАПО. Ф.Р-746.оп.1.Д.8.Л.9.
- ⁸⁹ ГАПО Ф. Р-656.оп.1. д.9. Л.5.
- ⁹⁰ Пермь от основания до наших дней. – Пермь. 2000. - С.178.
- ⁹¹ Белая Гвардия. - Москва. 2001. - С.143.
- ⁹² Цит. по: Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1918. – 28 декабря.
- ⁹³ Цит. по: Отечественные ведомости (Екатеринбург). – 1918. – 28 декабря
- ⁹⁴ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 3 марта.
- ⁹⁵ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 16 января.
- ⁹⁶ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 28 января.
- ⁹⁷ . Красный Урал (Пермь). – 1919. – 26 декабря.
- ⁹⁸ . Революция защищается. - Свердловск. 1989. – С.79.
- ⁹⁹ . Капцугович И.С. История политической гибели эсеров на Урале. - Пермь. 1975. - С162.
- ¹⁰⁰ . Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов. - 1918.- 13 октября.
- ¹⁰¹ . Сибирский Вестник (Омск). – 1918. – 17 октября, Н.Ф. Паздников. Борьба за Пермь. - Пермь. 1988. – С.26.
- ¹⁰² . Голиков Ф. Красные Орлы. - Воениздат М. 1958. – С.105.
- ¹⁰³ . Свободная Пермь. - 1919. - 2 февраля.
- ¹⁰⁴ . Известны следующие участники побега: А.А. Сандецкий, Ю.А. Милюков, Н.Н. Трухин, В.З. Косополянский, Альбокринов, Паас, Павлов, Н.А. Протопопов, А.А. Круглов, П.Е. Де-Бур, А.А. Александрович и А. Бек.
- ¹⁰⁵ . Известны следующие участники побега: полковник В.Н. Головин, поручики А.П. Нассонов, Д.П. Нассонов, Н.П. Досманов, М.М. Битнер, Е.П. Опарин, прапорщики В.А. Устинов, В. Воробьев, В. Шмелев.
- ¹⁰⁶ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 16 января.
- ¹⁰⁷ . Согласно списка лиц, назначенных на командные должности в 3-й армии, Константинов Виктор Михайлович - поручик, командир эскадрона Черноморского полка. Опубликовано 26.06. 1918 года в Известиях Пермского губисполкома. Похоронен 17 января в Перми на Новом кладбище.
- ¹⁰⁸ . Согласно списка лиц, назначенных на командные должности в 3-й армии, Полещук Александр Каленикович - коллежский асессор 541 Велижского полка. . Опубликовано 29 мая 1918 года в Известиях Пермского губисполкома.
- ¹⁰⁹ . Согласно списка лиц, назначенных на командные должности в 3-й армии, Гаген Федор Александрович - сотник 6-го казачьего полка. . Опубликовано 29 мая 1918 года в Известиях Пермского губисполкома. Погиб 5 марта 1919 года. Похоронен в Перми на Новом кладбище.
- ¹¹⁰ . Н.Ф. Паздников. Борьба за Пермь. - Пермь. 1988. – С.50.
- ¹¹¹ . Онуфриев И. Гражданская война на Урале. - Свердловск, “Уралкнига”, 1925. – С.61.
- ¹¹² . Ручное огнестрельное оружие. – Пермь. 1984. – С.55.
- ¹¹³ Освобождение России (Пермь). – 1918. – 31 декабря.
- ¹¹⁴ Освобождение России (Пермь). - 1919. - 3 января.
- ¹¹⁵ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 1 января.
- ¹¹⁶ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 4 января.
- ¹¹⁷ . Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов. - 1918.- 22 декабря.
- ¹¹⁸ . Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов. - 1918.- 10 декабря.
- ¹¹⁹ . Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР. Т-1. - Москва. 1961. –С.62.
- ¹²⁰ . Полковник Сухорский - начальник штаба 16-й Пермской дивизии.

-
- ¹²¹ . Согласно списка лиц, предназначенных на командные должности в 3-й армии, Валуженич Иван Павлович - штабс-капитан, командир 3-й батареи 50-й артбригады. Опубликовано 3 июля 1918 года в Известиях Пермского губисполкома..
- ¹²² . Эскин Николай Афанасьевич - генерал-майор, командир 1-й бригады Пермской дивизии.
- ¹²³ . Цит. по: А. Федоров. Пермская катастрофа и контрнаступление восточного фронта. - Воениздат. 1939. – С.110.
- ¹²⁴ . С.И. Носков. В революционном строю. /В пороховом дыму. - Пермь. 1961. – С.145.
- ¹²⁵ . С. Пичугов. Неизвестными путями. - Воениздат. М. 1958. – С.109.
- ¹²⁶ . Свободная Пермь. - 1919. - 14 января.
- ¹²⁷ . Н.Ф. Паздников. Борьба за Пермь. - Пермь. 1988. – С.77.
- ¹²⁸ . Военно-исторический журнал. - 1996. №6. – С.81.
- ¹²⁹ . Огородников Ф. Удар по Колчаку. – Москва. 1938.- С.101.
- ¹³⁰ . Цит. по: Нытва – уголок России. – Нытва. 2002. – С.109.
- ¹³¹ . Цит. по: Г.Х. Эйхе. Уфимская авантюра Колчака. - Москва. 1960. - С.73.
- ¹³² . Наш Урал (Екатеринбург). - 1919. - 23 февраля.
- ¹³³ . Д. Уорд. Союзная интервенция в Сибири 1918 - 1919 г. - Москва. 1923. – С.135.
- ¹³⁴ . Цит. по: Наш Урал (Екатеринбург). - 1919. - 23 февраля.
- ¹³⁵ . Цит. по: Агеева. Воспоминания о жизни в Перми в 1918 году//Гражданин Перми. - Пермь. 1993. – С.33.
- ¹³⁶ . Цит. по: Освобождение России (Пермь). - 1919. - 7 января.
- ¹³⁷ . ГАПО. Ф. Р-732. Оп.1. Д.277. Л.1.
- ¹³⁸ . Цит. по: Восточный фронт адмирала Колчака. - Москва, 2003.- С.279.
- ¹³⁹ . Свободная Пермь. – 1919. – 14 января.
- ¹⁴⁰ . ГАПО. Ф. Р-746. Оп.1. Д.26. Л.10.
- ¹⁴¹ . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 24 января.
- ¹⁴² . Освобождение России (Пермь). - 1919. - 9января.